

РЕЦЕНЗИИ

Д. Е. МАКСИМОВ. ПОЭЗИЯ И ПРОЗА АЛ. БЛОКА¹

Д. Е. Максимов, известный исследователь русской поэзии рубежа XIX-XX веков, в предисловии к своей книге суммирует те принципы и методы, в соответствии с которыми создавался труд о лирике и прозе Ал. Блока. Используя материалы научных изысканий протекшего десятилетия, он создал не монографию, а своеобразную по жанру книгу, считая, что задачей исследований, посвященных творчеству Блока, должен стать многосторонний анализ частных и комплексных проблем, не столько направленный на подведение итогов, сколько выдвигающий новые вопросы. Синтез же должен осуществляться в сознании читателя, тогда он будет более убедительным и плодотворным. Несмотря на большое количество работ о Блоке, изучены далеко не все аспекты его лирики и прозы. "Белым пятном" является, например, вопрос о влиянии Р. Вагнера на эстетические взгляды Блока - факт, которому литературоведение придает особый вес, т.к. всесторонний анализ этой проблемы мог бы раскрыть широкие перспективы в исследовании идейных движений конца XIX - начала XX веков.

Главы книги, посвященные трем жанрам, - лирике, прозе и документам - в равной мере свидетельствуют об основательности и тщательности филологического анализа. Их характеризует особая последовательность изложения, которая базируется на анализе взаимовлияний и взаимоотталкиваний предшественников и современников поэта, различных жанров и идеологий. Этот метод /хотя он и приводит к некоторым повторениям/ является важным функциональным принципом построения книги, становясь выражением авторской концепции, организующей работу как единое целое.

Первая часть сборника посвящена лирике Блока /"Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока"/. Большое место занимает анализ мотива пути как доминанты поэзии и прозы Блока. Начиная со второй половины

¹ Изд. Советский писатель, Ленинградское отд., 1975.

XIX века, проблема пути - одна из основных в русской литературе. Страстное искание пути как развития и становления личности у Толстого вызывает волну автобиографической литературы, стремление к исповедальности, к лирическим излияниям в искусстве рубежа века и следующего десятилетия. Блок, продолжающий толстовскую линию, связывает неразрывность идеи и пути и исповедальной линии с усилением индивидуализма: "Весьма вероятно, что наше время - великое и что именно мы стоим в центре жизни, т.е. в том месте, где сходятся все духовные нити, куда доходят все звуки". /стр. 22/ Человек стоит в центре всех изменений, и осознание этого придает особое значение человеческому "я", которое призвано /в представлении поэтов-символистов/ выполнять моральную, эстетическую и культурную миссию.

Наряду с типологической близостью Толстого и Блока Максимов прослеживает и другие аналогии в европейской и русской литературах, проливающие свет на истоки блоковского понимания искусства и жизни как высшего долга, призвания: это - романы Достоевского, произведения Флобера, Ибсена, Стриндберга и, главным образом, Гете. В сходстве поисков пути Фауста и блоковского лирического героя Максимов видит аналогию не только структурную, но и содержательную, сущность которой можно кратко охарактеризовать как движение от абстрактного знания к конкретному и многостороннему опыту - к напряженности земного бытия, к надежде на достижение цельности "разорванного" человеческого сознания. В заключение темы автор указывает на еще один "открытый" вопрос: интерес Блока к Гете требует более подробного исследования, т.к. анализ причин духовного влечения Блока к немецкому поэту и философу эпохи романтизма мог бы осветить ту роль, которую романтизм сыграл в подготовке и становлении символизма.

В лирике Блока и его современников, поэтов-символистов, важное значение приобретают и две другие категории - "стихия" и "вечное возвращение". Рассматривая эти категории, Д.Е. Максимов очень тонко выявляет черты сходства и различия в поэтическом мире Блока, Бунина, Белого, Ахматовой, Мандельштама.

В замечательном анализе стихотворения "Двойник" /"Об одном стихотворении"/ исследователь останавливается более подробно на тех мотивах, которые имеют преимущественное значение в поэзии Блока: встреча и диалог лирического героя и двойника, столкновение темных и светлых сил, появление Горя-Злосчастия - русского архетипа двой-

ника - среди других блоковских двойников. Автор указывает на своеобразие этой темы у Блока: несмотря на то, что появление двойников в литературе обычно является показателем кризиса сознания, в сознании лирического героя Блока сохраняется некоторое внутреннее единство, наличие которого подтверждается такими, идущими от самой жизни, чертами блоковских двойников как способность испытывать печаль, раскаяние, дон-жуановскую усталую горечь. Истоком появления двойника в этом стихотворении Д. Е. Максимов считает не распад сознания, а столкновение двух музыкальных тем: темы "страшного мира" и темы "прекрасного воспоминания".

Статьи о прозе Блока занимают в книге намного больше места: эта часть, состоящая из восемнадцати глав, дает подробнейшую характеристику критической прозы Блока. Статья "Литературное окружение" - одна из самых интересных. Она знакомит читателей с полемикой о литературной критике, развернувшейся между Мережковским, Брюсовым, Вл. Соловьевым и Розановым. Со второй половины XIX века жанр "эссе" привлекает внимание самых разных европейских философов, критиков и поэтов. Поэтому не приходится удивляться многочисленным совпадениям во взглядах часто очень далеких друг от друга людей на задачу, цель и сущность критической литературы. Так, например, определение эссе, данное Мережковским /"Поэт-критик отражает не красоту реальных предметов, а красоту поэтических образов, отразивших эти предметы"²/, очень близко к определению венгерского философа Дьердя Лукача /"Наука указывает нам предметы и порядок предметов, искусство - души, судьбы, и только в лучах судеб - предметы"³/. Освещая полемику, Д.Е. Максимов пишет о влиянии западно-европейских эстетических и философских учений на русскую интеллигенцию /Б. Христиансен и "фрейбургская школа"/, поскольку оно проявляло себя в формировании символистской критики и в прозе Блока.

Трудно было бы перечислить все вопросы, которые исследует проф. Максимов во второй части своей книги. Мы выделим лишь несколько важных проблем. В главе "Переоценка ценностей и эстетика противоречий" автор пишет об отражении в сознании Блока кризиса, имевшего место

² Цитируется по указанной работе Максимова, стр. 197.

³ Lukács György. Lélek és formák. Bp., 1911, 45. /Перевод наш/

на рубеже XX века, об осознании Блоком процесса релятивизации ценностей и в связи с этим — о поэтических и структурных изменениях в его критической прозе. В своих статьях Блок часто обращался к проблемам народа и интеллигенции, цивилизации и культуры, занимавшим лучшие умы Европы в начале XX века. Об этом имеются богатый материал и интересные рассуждения в разделах "Тема народа и интеллигенции" и "Элементы поэтической философии культуры".

Анализируя критическую прозу Блока, проф. Максимов сделал немало открытий: он обратил внимание на мало известные, и еще менее изученные, проблемы взаимовлияний, поставил вопрос о параллельном развитии лирики и прозы, дал объективное освещение таким вопросам, о которых символистская критика, а затем и критическая литература 30-х годов /хотя и с разных позиций/ судили неверно /тема народа и интеллигенции/.

Построенные по динамическому и диахроническому принципу главы книги, посвященные лирике Блока, сменяются во второй части главами обзорного характера. Однако, автор не уклоняется от главной задачи исследования: от задачи показать лирическое "я" Блока, проявившее себя и в его прозе.

Третья часть книги на первый взгляд может показаться приложением к двум первым: н.п. по дневнику Е. Ю. Кузьминой-Караваевой автор восстанавливает образ Блока, каким узнала и описала его молодая поэтесса в начале 10-х годов. Однако, и третья часть книги является органической частью целостного произведения, хотя проф. Максимов не стремился создать монографию. Группировка статей, структура книги как будто сложилась в духе блоковской трехчастной циклизации: от отвлеченного анализа поэтического сознания — к человеческой личности и к страдающему человеку.

А. Дуккон